

Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 133–137.

Humanitarian Researches. 2022;2(82):133–137.

Научная статья

УДК 81

**Когнитивно-прагматический аспект реализации речевой агрессии
в трансформированных фразеологических единицах**

Мария Анатольевна Фирсова

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия, firsovamariaa@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу средств вербализации речевой агрессии в медиадискурсе, а именно инвективной составляющей речевого имиджа журналиста. Выявлено, что речевой имидж, реализованный посредством инвективной стратегии подачи аналитической информации с применением трансформированных фразеологических единиц, поддерживается на когнитивно-прагматическом уровне. Происходит актуализация новой фразеологической семантики за счет расширения негативной образности, манипулирования сознанием адресата и намеренном создании иронического эффекта в высказываниях.

Ключевые слова: речевая агрессия, фразеологическая единица, трансформированная фразеологическая единица, фразеологическая семантика, инвективная стратегия, когнитивно-прагматический потенциал, контекстуальное окружение

Для цитирования: Фирсова М.А. Когнитивно-прагматический аспект реализации речевой агрессии в трансформированных фразеологических единицах // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (81). С. 133–137.

Original article

**Cognitive-pragmatic aspect of the implementation of speech aggression
in transformed phraseological units**

Maria A. Firsova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, firsovamariaa@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the means of verbalization of verbal aggression in the media discourse, namely the invective component of the speech image of a journalist. It was revealed that the speech image, realized through the invective strategy of presenting analytical information using transformed phraseological units, is supported at the cognitive-pragmatic level. There is an actualization of new phraseological semantics due to the expansion of negative imagery, manipulation of the recipient's consciousness and deliberate creation of an ironic effect in statements.

Keywords: verbal aggression, phraseological unit, transformed phraseological unit, phraseological semantics, invective strategy, cognitive-pragmatic potential, contextual environment

For citation: Firsova M. A. Cognitive-pragmatic aspect of the implementation of speech aggression in transformed phraseological units. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;2(82):133–137. (In Russ.).

Интерес исследователей к феномену речевой агрессии обусловлен ее социальной составляющей, воздействующим потенциалом реализующих ее средств языка, а также высоким уровнем экспрессивности. Речевая агрессия рассматривается как форма речевого поведения [2, с. 84; 3, с. 9; 4 с. 48], которая способна деформировать коммуникативное пространство адресата. По мнению Т.А. Воронцовой, «говорящий не стремится создать общее с адресатом коммуникативное пространство: он вторгается в коммуникативное пространство адресата, пытаясь трансформировать это пространство по собственному усмотрению» [2, с. 85]. В этой связи семантический потенциал русской фразеологии вкупе с другими средствами речевой агрессии открывает большие возможности для создания и укрепления

в сознании адресата тех образов и аллюзий, которые необходимы адресанту для реализации собственного замысла.

Как пишет С.Н. Волкова, в телевизионном дискурсе «разговорная, просторечная, жаргонная лексика, а также фразеологизмы чаще всего делают речь агрессивной, т.е. являются ядерными компонентами лексической системы речевой агрессии [1, с. 13].

Р.Х. Хайруллина, Г.З. Мингулова предлагают рассматривать речевую агрессию как «результат преднамеренного (унижение, оскорбление) или непреднамеренного (результат эмоционального взрыва, несдержанности, речевой небрежности и низкой речевой культуры) негативного речевого воздействия на адресата с помощью различных вербальных и невербальных средств» [7, с. 1524]. Создание и реализация речевого имиджа как одного из инструментов формирования коммуникативного пространства – процесс не самопроизвольный и спонтанный, а содержательно и формально продуманный его носителем. Следовательно, использование журналистом средств речевой агрессии, вопреки требованиям чистоты и культуры речи, безусловно, стоит отнести к способам намеренного речевого воздействия на прямого или косвенного адресата. Следует согласиться с А.Ю. Панасюк в том, что именно речевой имидж отображает уровень образованности журналиста и, следовательно, его высокую конкурентоспособность [7, с. 151].

По словам Л.Г. Золотых, «фразеологическая единица, претерпевающая формально-содержательные видоизменения, наполняется индивидуализированным смысловым содержанием в том или ином речевом окружении» [5, с. 5]. На наш взгляд, данный фактор предопределяет анализ индивидуального речевого имиджа журналиста, который, реализуя когнитивно-прагматический потенциал фразеологии, не только актуализирует новые смыслы посредством трансформированных фразеологических единиц (далее ФЕ), но и кристаллизует свой уникальный речевой портрет. Как точно заметила Н.В. Саятина, «журналист, в зависимости от индивидуальной манеры письма возлагает на трансформированные фразеологизмы большую или меньшую нагрузку по усилению экспрессии текста, использует их в качестве инструмента для создания различных стилистических эффектов [8, с. 620].

Проанализировав выпуски передачи «Однако» за 2021–2022 гг., автором и ведущим которой является М. Леонтьев, мы выявили трансформированные ФЕ как многофункциональные единицы, реализующие несколько задач журналиста: 1) инвективную стратегию речевого поведения при комментировании новостных фактов, 2) поддержание индивидуального речевого имиджа, 3) речевое воздействие/манипулирование сознанием адресата. Результаты анализа проиллюстрируем на примерах.

«**К выпрыгиванию из штанов сегодня присоединился немецкий таблоид Bild, опубликовавший план захвата русскими Украины в три этапа...**» (эфир от 05.02.2022). Употребление грубо-просторечной ФЕ «выпрыгнуть из штанов» – ‘всеми силами постараться что-л. сделать, доказать’, с ироничной коннотацией, позволяет автору обобщить комментарий по теме и снизить общий уровень напряженности всего высказывания: Модификация фразеологической семантики исходной ФЕ *выпрыгнуть из штанов* обусловлена контекстом, расширяющим ее семантику от кодифицированной глагольной до процессуальной, а также авторским замыслом, заключающимся в ироничном комментировании внешнеполитических событий.

В процессе речевой реализации трансформированных ФЕ в аналитическом комментарии М. Леонтьева происходит не только морфологическая трансформация исходных компонентов (ср.: выпрыгнуть – выпрыгивание), но и замена ее структурных компонентов, например: «**На самом деле на наших глазах рождается Альтеролимпийское движение. Кубертен сопит в сторонке**» (эфир от 05.02.2022). Разговорная ФЕ *нервно курит в сторонке* со значением ‘значительно отличаться в худшую сторону в сравнении с кем-, чем-либо, быть или делать что-либо гораздо хуже, чем кто-либо другой’ подвергается в данном контекстуальном окружении окказиональной трансформации «сопит в сторонке», где лексема *сопеть* – ‘издавать носом свистящие, сиплые звуки’ как компонент ФЕ актуализирует иронично сниженный смысл. Замена глагольного компонента исходной ФЕ обусловлена внутренней формой глагола *сопеть* и лексемой *в сторонке*, что определило новый фразеологический смысл – ‘скромно отмалчиваться’.

Переосмысление фразеологической семантики в медийном дискурсе, в частности в журналистском комментарии, объясняется сложной многоуровневой структурой данного типа дискурса, реализующего не только информационную, но и воздействующую / манипулятивную функции. Манипулятивные свойства речевой агрессии, проявляющиеся посредством

анализируемых выше просторечной и разговорной ФЕ, обладают когнитивно-прагматическим потенциалом не только благодаря их трансформированной структуре, но и контекстуальному окружению, в котором они реализуются ср.: *«На самом деле на наших глазах рождается Альтеролимпийское движение. Кубертен сопит в сторонке. Это другая Олимпиада. На ровно обратных принципах. Вместо перемирия провокация. Вместо честной игры бесстыжее вранье»* (эфир от 05.02.2022). Маркерами речевой агрессии в данном фрагменте вместе с разговорной трансформированной ФЕ становятся оценочные лексемы негативной семантики *бесстыжее вранье*. Таким образом, особенность реализации речевой агрессии проявляется в контекстуальном окружении авторского комментария, который позволяет максимально эффективно реализовать фразеологическую семантику через модифицированную структуру ФЕ, усиливая при этом воздействующую функцию всего высказывания.

Следующий пример с трансформированной ФЕ также реализует инвективную стратегию журналиста: *«Короче, на 1 декабря у нас переводят пророссийский на Украине, притом что на 1 февраля, точно, к доктору не ходи, намечено российское военное вторжение туда же»* (эфир от 27.11.2021). В данном фрагменте трансформированной ФЕ *к доктору не ходи* актуализирована семантика исходной ФЕ *к бабке/гадалке не ходи* – ‘можно не гадать, не сомневаться в чем-л.: так оно и будет’ (прост.), что преобразует значение всего высказывания на основе фразеологического переноса значений компонентов ‘болезнь’ / ‘здоровье’. Замена компонента ФЕ реализует новый смысл, репрезентирующий оценочное намерение говорящего. Контекстуальное окружение высказывания с применением разговорно-просторечной частицы *короче* усиливает данный негативно-оценочный смысл и снижает уровень всего высказывания до разговорно-просторечного.

Обращение журналиста к трансформированным ФЕ параллельно с окказионализмами может предопределять восприятие всего новостного факта, способствовать расширению образного значения. Например: *«Считалось до сих пор, что девственной простотой отличается белорусская «котлетная принцесса», а господин Латушко – луч света в сказочном царстве белорусской оппозиции. Сверкнул... На самом деле, в текущих геопсихиатрических обстоятельствах – всяко лыко в строку»* (эфир от 13.11.2021). В данном фрагменте наблюдаем замену компонента ФЕ *луч света в темном царстве* – ‘отрадное светлое явление’ – *луч света в сказочном царстве*, что приводит к изменению процесса декодирования значения ФЕ (темное царство оппозиции vs сказочное царство оппозиции). Следующее предложение *Сверкнул...* продолжает расширение образного восприятия по связанной семантической линии *луч – сверкнул*. Завершает фрагмент окказионализм *геопсихиатрических обстоятельствах*, созданный на основе слияния двух корней, один из которых (-псих-) является негативно оценочным; а пословица *всяко лыко в строку* на стилистическом уровне приводит в резонанс весь фрагмент.

Инвективная стратегия речевого поведения журналиста, основанная на вторичных смыслах трансформированных ФЕ, служит инструментом создания ироничного эффекта, как точно в нескольких лексемах (1), так и обширно – через создание развернутых смыслов (2), ср.: 1. *«Вас не спрашивали, есть ли у вас доказательства! Дурочку кончайте валять!»* (эфир от 12.03.2022); 2. *«Поймать пацана на слове и заставить отвечать за базар публично именно в тот момент, когда пацан категорически к этой публичности не готов»* (эфир от 29.01.2022). В первом фрагменте находим трансформированную ФЕ *дурочку валять*, исходный вариант которой *дурака валять* приводится в словаре с пометой «разговорная, неодобрительная» – ‘дурачиться, паясничать, потешать кого-либо своими выходками’. Инвективность фрагмента заключается в пренебрежительной оценке предмета речи по его действию. Во втором фрагменте реализовано устойчивое выражение *поймать на слове* (разг.) – ‘заставить кого-либо выполнять сказанное, обещанное’, которое за счет расширения структуры посредством включения жаргонной лексики *пацана* (разг. ‘мальчишка’) приобретает сниженный характер по отношению к объекту совершаемого действия. Ему же журналист сообщает действие, заключающееся в жаргонном выражении *отвечать за базар* – ‘нести ответственность за свои слова; доказывать свою правоту’. В данных примерах из речи М. Леонтьева при аналитическом обзоре новостного факта свойственно перенасыщение текста жаргонной, просторечной и разговорной лексикой, которая, вступая в отношения косвенно-производной семантики, приобретает полный спектр характеристик речи агрессивной, сильно воздействующей на адресата.

«Просто сильных принято было уважать. И не принято было лезть лапами другу другу в штаны. Хотя бы публично...» (эфир от 25.09.2021). Происходит трансформация

исходной ФЕ *запускать руку (лапу) во что-то, куда* (прост.) – ‘присваивать, красть что-либо, изымая откуда-либо’ за счет расширения фразеологической структуры компонентами *друг другу в штаны*. Инвективность данного фрагмента заключается в применении просторечной ФЕ, воспринимаемой адресатами на когнитивном уровне не пассивно, а с помощью декодирования и интерпретации вторичных смыслов по замыслу и стратегии журналиста, т.е. через негативную образность, созданную расширенной фразеологической семантикой трансформированной ФЕ.

Итак, в проанализированном корпусе трансформированных ФЕ, взятых из аналитической программы М. Леонтьева «Однако», выявлена инвективность разного уровня: стилистическая, морфологическая, лексическая. Данное распределение по уровням языка проявляется в структуре трансформированных ФЕ, которые модифицируются также по трем уровням. Воздействующая функция данных единиц проявляется в природе инвективности – мотиве отрицательной эмоции и/или оскорблении. Речевой имидж журналиста, реализованный посредством инвективной стратегии подачи аналитической информации с применением трансформированных ФЕ, поддерживается на когнитивно-прагматическом уровне за счет расширения негативной образности, манипулирования сознанием адресата и намеренном создании иронического эффекта в высказываниях.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в расширении материала исследования и выявления в процессе анализа косвенно-производной семантики новых аспектов неравномерного распределения инвективной лексики во фразеологической системе русского языка.

Список литературы

1. Волкова С.Н. Лексико-семантические средства речевой агрессии в телевизионном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. 13 с.
2. Воронцова Т.А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 83–86.
3. Горбачева Е.Ю., Омельченко К.Э. Агрессивная коннотация в текстах СМИ // Молодой ученый. 2016. № 28.1 (132.1). С. 8–11.
4. Закоян Л.М. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2008. № 2. С. 46–52.
5. Золотых Л.Г. Когнитивно-прагматический потенциал фразеологической семантики в художественном дискурсе // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2008. № 1. 5 с.
6. Курилова А.Д. Новый фразеологический словарь русского языка: более 8000 фразеологизмов. Москва : Дрофа, 2009. 777 с., 13 с.
7. Панасюк А.Ю. Вам нужен имиджмейкер? Или о том, как создавать свой имидж. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Дело, 2000. 367 с.
8. Саютина Н.В. Экспрессия трансформированных фразеологических единиц в публикациях российских журналистов // Вестник ННГУ. 2011. № 6. 620 с.
9. Хайруллина Р.Х., Мингулова Г.З. Лингвокогнитивный анализ русских и башкирских фразеологизмов с деструктивной семантикой // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3 (I). 1524 с.

References

1. Volkova S.N. Lexico-semantic means of verbal aggression in television discourse. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2021;(2):13.
2. Vorontsova T.A. Speech aggression in the communicative-discursive paradigm. Bulletin of VSU. Series: Linguistics and intercultural communication. 2006;(1):83–86.
3. Gorbacheva E.Yu., Omelchenko K.E. Aggressive connotation in media texts. Young scientist. 2016;28.1(132.1):8–11.
4. Zakoyan L.M. Speech aggression as a subject of linguistic research. Polylinguality and transcultural practices. 2008;(2):46–52.
5. Zolotykh L.G. Cognitive-Pragmatic Potential of Phraseological Semantics in Literary Discourse. RUDN Bulletin, series Russian and Foreign Languages and Teaching Methods. 2008;(1):5.
6. Kurilova A.D. New phraseological dictionary of the Russian language: more than 8000 phraseological units. Moscow: Drofa. 2009:777,13.

7. Panasyuk A.Yu. Do you need an image maker? Or about how to create your image. Edition 2, revised. and additional. Moscow: Delo. 2000:367.

8. Sayutina N.V. Expression of transformed phraseological units in the publications of Russian journalists. Bulletin of the UNN. 2011;(6):620.

9. Khairullina R.Kh., Mingulova G.Z. Linguistic and cognitive analysis of Russian and Bashkir phraseological units with destructive semantics. Bulletin of the Bashkir University Vol. 17. 2012;3(1):1524.

Информация об авторе

М.А. Фирсова – кандидат филологических наук.

Information about the author

M.A. Firsova – Candidate of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 15.05.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 15.05.2022.